

Вместе со всей страной наша студия готовится к всенародному празднику — 60-летию Великого Октября. Идя навстречу славной дате, мосфильмовцы приняли высокие социалистические обязательства и сейчас с честью их выполняют. Коллектив нашей студии обязался: «Осуществляя годовую программу юбилейного года, особое внимание обратить на фильмы, отображающие советский образ жизни, революционную историю нашего народа, героический характер современника — строителя коммунизма».

Но не только фильмы юбилейного года посвящены этим большим, волнующим темам, они кинематографистов волновали всегда. Об этом ярко и интересно рассказывает выставка, развернутая в фойе главного корпуса студии. На стендах этой выставки — лучшие работы «Мосфильма» за прошедшие годы. В нашей газете мы постараемся вспомнить о многих работах мосфильмовцев и начнем мы этот рассказ с фильмов о В. И. Ленине.

1917—1977

ДОРОГОЙ ВСЕМ ОБРАЗ

В 1937—1939 годах молодой кинорежиссер Михаил Ромм создает ленинскую дилогию — фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Эти работы были удостоены Государственной премии СССР.

Большой круг действующих лиц и широкий разворот событий поставили перед Роммом как одну из главных проблем связь, образное единство часто разнородного и разнородного материала. Режиссер избрал верный путь: он стремился извлечь из любой ситуации ее исторический смысл, подчеркнуть связь человека и времени. Через все подробности и детали жизни, воспроизведенной в фильме «Ленин в Октябре», проходила ленинская мысль о революционном восстании. Эпизоды обоих фильмов, имевшие внешне бытовую окраску, воспроизводившие хронику революции, подчинились общему смыслу, выражали глубинный смысл исторических событий.

Единство вождя с народом, неустанный движением его мысли — эти черты духовного облика Владимира Ильича Ленина режиссер М. Ромм и актер Б. Щукин положили в основу образа.

В создании этих выдающихся фильмов о Ленине принимали участие сценаристы А. Каплер, Т. Златогорова, главный оператор Б. Волчек, художник В. Дубровский-Эйхе, Н. Соколов, В. Иванов, композиторы А. Александров и Н. Крюков. В фильмах снимались актеры Б. Щукин, Н. Охлопков, В. Ванин, В. Покровский, А. Ковалевский, Е. Шатрова, В. Ганшин, Н. Соколов, В. Владиславский, Н. Боголюбов, Н. Черкасов, З. Дюбина, Н. Плотников, Л. Любашевский и многие другие.

Очень интересны воспоминания Михаила Ильича Ромма о работе с Борисом Васильевичем Щукиным над образом Владимира Ильича Ленина. Михаил Ильич Ромм говорит, что работа со Щукиным была для него школой актерской режиссуры и вместе с тем школой отношения к искусству актера. Поэтому я имею право с гордостью назвать имя Щукина в числе своих учителей.

— До «Ленина в Октябре» я видел Щукина только на сцене в театре и в двух фильмах: «Покорение победителей» и «Летчики», — пишет М. Ромм. — Я любил этого актера. Я также знал, что М. Горький на одной из репетиций «Егора Булычова» сказал Щукину: «Знаете, вы могли бы сыграть Ленина!». Естественно, что в числе первых кандидатур на роль Ленина был назван Щукин.

Когда я пришел к Щукину для первого разговора и меня привели в кабинет артиста, я увидел на столе том Собраний сочинений Ленина, исчерченный пометками в тексте и на полях. На стуле я увидел пластинки с записью голоса Ленина, повсюду лежали рисунки Андреева, фотографии Владимира Ильича; лежал и томик Горького, раскрытый на воспоминаниях о Ленине. Щукин работал в то время над образом Ленина, готовясь к спектаклю «Человек с ружьем».

Через несколько минут в комнату вошел сам хозяин кабинета, и я испытал острое, болез-

ненное чувство разочарования. Передо мной стоял человек, совершенно не похожий на Владимира Ильича. Дело в том, что я дважды видел Ленина и в моей памяти сохранилось ощущение стремительности, какой-то особенной динамической энергии, запомнилась сухощавая, коренастая, и как бы несколько жилистая фигура, очень внимательные и острые, блестящие глаза. Прежде всего Щукин был гораздо крупнее и полнее. Вместо невысокого, собранного, сухощавого и острого человека вошел большой, полный и мягкий актер. В полноте его было что-то резко противоположное моему представлению о Ленине. Лицо тоже было решительно не похоже. Чем больше я вглядывался в Бориса Васильевича, тем в большее уныние приходил.

Пока я с грустным недоверием разглядывал Щукина, он с таким же недоверием поглядывал на меня, ибо все предпринятое казалось ему сомнительным. Сделать картину в два-три месяца он считал невозможным, сыграть Ленина почти без репетиций — варварством. Кроме того, он уже был связан с Ленинградом, где должен был после премьеры спектакля играть Ленина в картине С. Юткевича «Человек с ружьем». Разумеется, сыграть роль, предварительно проверив ее на сцене, было и легче, разумнее. А здесь приходилось прерывать работу над спектаклем или совмещать ее с напряженными съемками другой картины, которая вдобавок делалась в «пожарном» порядке. Все это казалось Щукину несерьезным.

Я стал рассказывать Щукину содержание сценария и дошел до сцены, где Ленин спит на полу в комнате Василия, укрывшись плащом Дзержинского. Щукин вдруг заинтересовался. Он стал расспрашивать меня о сцене, которая, видимо, ему понравилась. Глаза у него засветились, разговор оживился — и вскоре я понял, почему Горький сказал, что Щукин может сыграть Ленина,

Я увидел в глазах Щукина по-настоящему редкий огонь таланта, ума и крошки, который вдруг осветил все его лицо. Природа обаяния Щукина была «ленинской», ибо это было обаяние светлого ума.

Первые наши репетиции похожи были на осторожный сговор: мы приглядывались друг к другу, примерялись. Щукин много уже знал — он выучил наизусть все ленинские пластинки, превосходно имитировал голос Ленина, он многократно просмотрел ленинские документальные ролики, перечел чуть не все воспоминания, проштудировал статьи Ленина, его письма, изучил походку, жестикуляцию. Таким образом, большая предварительная работа была уже сделана.

Входя в образ Ленина, Щукин прodelывал огромную мускульную работу, по-видимому, он втягивал живот, расправлял плечи, каким-то образом приподнимал щеки, благодаря чему глаза чуть-чуть меняли форму, выдвигал вперед нижнюю губу, менял походку, позадку, постановку ног. Если бы, прodelывая все это, он помнил о щеках, животе, губах, глазах и т. д., он, разумеется, не мог бы свободно играть. Исполняя, задолго до картины, готовясь к исполнению роли Ленина, Щукин тренировал себя и постепенно научился сразу входить в образ — единым усилием актерской воли.

Надо сказать, что Щукин входил в образ, как только покидал гримерную. Грим закончен, проверен. Вышит обязательный стакан чаю перед съемкой. Щукин встает, еще раз бросает взгляд в зеркало, надевает пиджак, собирается и выходит из гримерной в коридор уже в образе Ленина — выходит стремительной походкой, высоко неся голову, сосредоточенный, полный орлиной энергии. Так идет он по коридорам студии до павильона и все встречные невольно останавливаются и провожают его взглядом или идут за ним; так входит он в павильон, так появляется в

декорации, так здоровается со всеми, так приступает к работе.

Щукин работал над своей ролью дено и ночью. Иногда это было просто мучительно. Мы не загружали Бориса Васильевича съемкой больше шести-семи часов в день, но сами-то работали гораздо больше. Если мне удавалось вырваться ночью домой, а назавтра предстояла щукинская съемка, я ставил телефон рядом с кроватью, ибо заранее знал, что предстоит беспокойная ночь. Борис Васильевич обязательно звонил несколько раз, уточняя или проверяя какую-нибудь фразу.

Еще одна особенность поражала меня в Щукине. Он заранее отработывал каждую фразу с необыкновенной тщательностью. Но если ему попадался партнер, который по неопытности или недостаточной одаренности «врал», вдруг менял на съемке подтекст, вдруг говорил не то или не так, Щукин мгновенно улавливал этот новый оттенок в реплике партнера и тут же идеально точно отвечал на него, оправдывая своим ответом ошибку партнера. Щукин владел искусством актерской импровизации в полной мере. Но импровизацию эту он готовил огромной, тщательнейшей внутренней работой.

Работая над фильмом «Ленин в 1918 году», Щукин потребовал от меня, чтобы мы поехали в институт Склифосовского. Он просидел там целый вечер, наблюдая, как привозят раненых. Он провел ряд бесед с хирурга-

ми, интересовался анатомией мышц, просил, чтобы ему точно показали, через какие мышцы прошла пуля, какие мышцы были задеты, что они делают в организме человека. Все эти знания очень пригодились Борису Васильевичу, когда он играл раненого Ленина. Он долгим упражнением, долгим вдумыванием в состояние Ильича довел себя до того, что автоматически, не думая, знал и чувствовал, что больно и что не больно.

Но больше всего мне запомнилась сцена первого появления Ленина на трибуне в Смольном. Тысячная массовка сидела в павильоне, изображающем зал Смольного. Перед началом съемки я сделал короткое вступление, объяснил товарищам, что они изображают делегатов съезда Советов, что вот из тех дверей покажется актер, играющий Ленина, пройдет по проходу, что, увидев его, надо встать, аплодировать, кричать: «Ура!» Да здравствует Ленин!».

Я был убежден, что по первому разу «ура!» будет вялым, произойдет сумятица или путаница и много раз придется повторять съемку. Но произошло неожиданное, едва Щукин появился в дверях и пошел по проходу своей орлиной, ленинской походкой, как весь зал встал, словно поднятый ветром. Раздалось громкое «ура!», павильон задрожал от восторженных криков. У нас не был готов свет, кинокамера не была заряжена пленкой, а зал бушевал в неподдельной, искренней овации. Я видел, что у многих на глазах были слезы. Это был подлинный порыв энтузиазма, который невозможно имитировать.

Я понимал, что повторить эту овацию будет невозможно, что первое впечатление от Щукина уже не будет перекрыто. Поэтому я пытался остановить репетицию, но мои крики и жесты не были ни видны, ни слышны; никто на меня не смотрел и никто не слушал. Щукину пришлось подняться на трибуну. Оvation продолжалась несколько минут. И пока она не кончилась, остановить ее не удавалось. Зарядили аппарат и я сказал:

— Прощу вас, сделайте то же самое. Лучше мне не надо.

В этом году фильму «Ленин в Октябре» исполняется 40 лет, но он по-прежнему любим народом, а традиции исполнения роли В. И. Ленина Щукиным вошли в современное искусство, стали высоким образом артистизма и жизненной правды.

Материал подготовил
Ю. ПАТАЕВ.

На снимке: фрагмент фотосъемки в фойе главного корпуса.

Фото А. ГРИШИНА.

ЧТО? ГДЕ?

ВО ВТОРОМ ТВОРЧЕСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

Приступили к проведению подготовительных работ по двухсерийному полнометражному цветному художественному фильму «Феликс Дзержинский».

Постановка фильма поручена: режиссеру-постановщику А. Бобровскому, оператору-постановщику С. Зайцеву, художнику-постановщику Е. Черняеву, звукооператору И. Урванцеву, директору картины Б. Гостыньскому.

Редакторы фильма А. Степанов и Е. Скиданенко.